

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ РЕЛИГИОЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

*Н.В. Михед,
доцент*

Трудный путь становления демократического правового государства и гражданского общества в Беларуси, в России, а также в странах, преодолевающих последствия тоталитаризма, связан со сложными, происходящими во всех сферах социально-политической, экономической и духовной жизни процессами, в центре которых находится человек, его социокультурная среда. Успешное продвижение в демократическом направлении, как свидетельствует опыт стран, преодолевших подобный кризисный период в своей истории, зависит от четкой реализации модели социально-экономического развития, при разработке которой должны учитываться не только общемировые тенденции социально-экономического прогресса, но и своеобразие национальной культуры, особенности национального менталитета, роль религии в духовной жизни народа и уровень образованности населения.

Можно констатировать: в настоящее время в Беларуси и России уделяется самое пристальное внимание духовному возрождению народа, в котором культуре, религии и образованию отводится приоритетная роль. И не на словах, а на деле: если участники Форума интеллигенции России «Религия, образование, культура: необходимость диалога» (Уфа, 24—25 октября 2000 г.) в принятом Обращении лишь заявляли о необходимости введения таких новых предметов, как история культуры, история религии, религиоведение в школах, институтах, университетах, то 3 декабря 2002 г. министр образования России В. Филиппов в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС отметил, что «в сотнях школ России» преподают православие, хотя обязательным для изучения этот предмет ни в коем случае быть не может, и что есть понятие «православная культура», поэтому «интеллигентный человек должен иметь системные знания о ней».

Эти системные знания изложены в «Православной энциклопедии», которой Министерством образования Российской Федерации в марте 2000 г. присвоен статус учебного пособия. Энциклопедия рекомендована для использования в учебном процессе в вузах России. Нам представляется важным, что препода-

давание в школах и вузах России не сводится к культовому обучению и поэтому не противоречит светскому воспитанию. Думая, что по аналогичному пути пойдет и Беларусь.

В научной литературе определение культуры впервые в обобщенном виде было дано Э. Тайлором, который понимал культуру как комплекс, включающий религиозные верования, знания, искусства, законы, мораль, обычаи и другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества. В настоящее время культурологи выделяют много подходов в понимании и определении культуры (например, П.С. Гуревич считает, что только определений культуры — четырехзначное число). Однако нельзя не учитывать при этом точку зрения православных деятелей на роль православной культуры в общей культуре. Так, священник Алексей Гостев в статье «Опыт богословской культурологии», рассуждая о сути христианской культуры, с уверенностью заявляет: «Христианская культура не может ограничиваться церковно-прикладными рамками, как не может быть неким направлением, эстетикой, стилем: это *закваска* (выделено автором статьи) культурной стихии, должествующая преобразить мир, культуру и человека. Именно с преобразования человека начинается преобразование культуры. Христианская культура есть культура, во всех сферах создаваемая христианами, для которых осуществление христианских ценностей есть главная мотивация их творчества и для которых преобразование есть главный смысл, главная цель жизни» [1].

С позиций методики преподавания русского языка как иностранного, провозгласившей новый культуроведческий этап в своем развитии, культура, по Е.И. Пассову, рассматривается как «система духовных ценностей, воплощенных и невоплощенных материально, которые созданы и накоплены обществом во всех сферах бытия — от быта до философии...» [2, с. 3].

Отождествлять культуру, как мы считаем, с религией не следует, но нельзя, однако, не замечать той роли, которую играет религиозная культура в общечеловеческой и национальной культуре.

Общеизвестно, что в лучших образцах мировой литературы в той или иной мере присутствуют религиозные воззрения или мотивы, а если обратиться к великой русской литературе, то следует признать, что ее национальный облик в значительной мере сформировался под мощным воздействием общехристианских, и прежде всего — православных ценностей.

Валентин Распутин в статье «России нужна литература, достойная Пушкина и Достоевского» утверждает: «Две силы —

родная вера и родная литература — духовно сложили русского человека, дали ему масштаб и открыли его. Такого влияния и такого значения литературы ни в одном народе больше увидеть нельзя. Когда насильственно отвергнута была вера, почти столетие литература, пусть и недостаточно, пусть и притчево, иносказательно, но продолжала духовное дело...» [3].

На завершающем этапе обучения русскому языку как иностранному студентам с учетом роли художественных текстов религиозного содержания предлагается учебное пособие «Русские писатели — лауреаты Нобелевской премии» (автор Н.В. Михед), в котором представлены для изучения биографические материалы, критические статьи, тексты речей и выступлений, фрагменты художественных произведений русских писателей — лауреатов Нобелевской премии И. Бунина, Б. Пастернака, М. Шолохова, А. Солженицына, И. Бродского. В творчестве каждого из указанных писателей, несмотря на атеистическое мировоззрение отдельных авторов (М. Шолохова, И. Бродского), значительную роль играет конфессиональная лексика и идиоматика, без знания которых затруднено восприятие и главной мысли произведения, и его содержания, и системы образов. Это связано с тем, что, как известно, язык художественного произведения, и в первую очередь поэтического, не внешняя, не обязательная форма для определенного содержания, а прежде всего само содержание. Об этом писал еще в 1959 г. Г.О. Винокур: «Смысл литературно-художественного произведения представляет собой известное отношение между прямым значением слов, которыми оно написано, и самим содержанием, темой его... Язык со своими прямыми значениями в поэтическом употреблении как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла, и вот почему художнику не все равно, как назвать то, что он видит и показывает другим» [4, с. 247].

Кроме содержательности языка художественной литературы, следует отметить, что это — национальный язык, функционирующий во всей полноте своих возможностей, особенно экспрессивных, эстетических. Эта сторона языка художественных произведений ярко проявляется в поэзии лауреатов Нобелевской премии И. Бунина, Б. Пастернака, И. Бродского, и прежде всего в стихах, тематически связанных с христианством (даже известный своим атеизмом И. Бродский издал в 1994 г. сборник «Рождественские стихи»). Поэтому при поэтическом анализе, например, лирических произведений Б. Пастернака, конфессиональную лексику и идиоматику нельзя соотносить с нейтральными синонимами в современном русском языке, да-

же если они вполне эквивалентны им, потому что эта лексика и идиоматика, кроме традиционного стилистического назначения — создания торжественного высокого стиля, требует и своего содержательного восприятия, отличного от нейтральных синонимических соответствий.

Б. Пастернаку, христианину, который не побоялся «исповедать имя Христа в дни отступления от Него...» (Протоиерей Александр Шмеман), близки в православии идеи восприятия жизни во всех ее проявлениях, а также абсолютной свободы творчества. Он считает, что только истинная вера в Бога открывает путь человеку к духовному восхождению, способствует раскрытию всех его творческих способностей. А творчество для Б. Пастернака, как и человеческая жизнь, как и природа — это Божий дар. Об этом и его воспоминания о перенесенном в 1952 г. тяжелом инфаркте, когда «в минуту, которая казалась последней в ... жизни, ему больше, чем когда-либо до нее, хотелось говорить с Богом, славословить видимое, ловить и запечатлеть его» [5, с. 52]. Откровение Пастернака весьма важно для понимания его мировоззрения, потому что без восприятия личности художника, его мироощущения невозможно постижение творчества писателя. Поэтому именно на это следует обращать внимание иностранных студентов, приглашая их к участию в диалоге культур, если даже в основе этих культур — разные конфессии.

Именно с желания принять участие в диалоге культур должно начинаться, по нашему мнению, изучение художественных текстов религиозного направления указанных авторов. При этом следует учитывать, что участники диалога (как правило, учебные группы бывают мультирелигиозными) имеют представление о своей национальной культуре, знают то общее, что роднит разные религии, и терпимо, тактично воспринимают их отличия друг от друга, признают самоценность каждой религии, т.е. понимают и принимают менталитет друг друга.

На этом уровне степень родства, идентичности людей разных конфессий, как мы предполагаем, в какой-то мере определяется наличием общих для всех народов религиозных лексических пластов художественной литературы. В этом случае можно говорить о «межкультурной валентности», под которой понимается «все многообразие прямых и косвенных связей данного текста с другими текстами мировой культуры через перевод, подражание, заимствование, типологическое сходство и т.д.» [6, с. 180—181]. Именно эти пласты художественного текста сформировали те знания иностранных студентов, которые помогают распознавать и учитывать национально-религиозную

специфику представителей разных конфессий, а это способствует взаимовосприятию. Наиболее типичны и повторяемы в текстах такие концепты и константы, как «Бог», «Господь», «Сын Божий», «Небесный Отец», «Авва Отче», «Аллах», «Алла акбар», «Магомет», «Будда», «Святой Дух», «Пророк», «рай», «ад», «вера», «слово», «храм», «собор», «церковь», «костел», «мечеть», «минарет», «судьба», «рок», «фатум», «свеча», «душа», «тело», «молитва», «любовь», «ненависть», «добро», «зло», «родина», «жизнь», «вечная жизнь», «смерть», «Иуда», «фарисеи», «Мекка», «Вифлеем», «Гефсиманский сад» и т.д. Многие из них, например, органично входят в тексты Б. Пастернака. И если одни слова или словосочетания, как правило, не требуют специального комментария, поскольку некоторые студенты хорошо знают их значение из текстов Библии и Евангелий, изученных на родном языке, или в свое время прочитали произведения Б. Пастернака на своем языке, смотрели фильм по его роману «Доктор Живаго», то для других он необходим.

Так, первое стихотворение, с которым знакомятся иностранные студенты, работая над текстом романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» — «Гамлет». Шекспировский Гамлет — один из вечных образов, суть которого определяется глубокими внутренними противоречиями и сомнениями. За прошедшее время понятие «гамлетизм» наполнялось различным содержанием — от безволия до целеустремленной решительности. Пастернак этот образ наполнил новым содержанием: главный монолог Гамлета звучит у него как молитва Христа перед гибелью. Он просит Бога: «Если только можешь, Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси» [7, с. 511]. Герой чувствует себя так же, как преследуемый фарисеями Христос, моливший в Гефсиманском саду своего Небесного Отца: «Авва Отче! Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня» (Евангелие от Марка, 14, 36). — «Но продуман распорядок действий...» Трудно в этом стихотворении даже понять, произносит ли этот монолог Гамлет или лирический герой, сам Пастернак или его современник: «Я один, все тонет в фарисействе» [7, с. 511]. И очень важно понять точное значение слова *фарисейство*, потому что оно одно из ключевых. Слово это означает «отдельный», «обособленный», т.е. «лучше, превосходящий» других. Фарисейство — возникшее в Иудее общественно-религиозное течение, объединившее иудеев, которые возложили на себя обязанность следить за исполнением Закона, сами же исполняли его лишь внешне, не следуя его духу, нравственным заветам. В Евангелии фарисеи названы лицемерами. Отсюда переносное значение слова — *лицемер*,

ханжа, и это значение становится определяющим для этого слова с библейских времен до нашего времени. Для Пастернака фарисейство является главной чертой его времени. Трудно найти синоним из современного русского языка, который мог бы полностью соответствовать в этом значении слову фарисейство. Только точно определив его значение, можно понять, почему заканчивается это стихотворение русской пословицей «жизнь прожить — не поле перейти», какова его основная мысль.

В стихотворении Б. Пастернака «Рождественская звезда» свет звезды пробивается сквозь время и пространство. На нее смотрят вифлеемские пастухи, ее видит лирический герой знаменитого русского поэта XX в. Он следует за ней так же, как в свое время за Рождественской звездой брели древние мудрецы. Это путь духовного спасения. Но Рождественская звезда в стихотворении поэта не только символ духовного возрождения, но и вполне исторический образ, связанный с конкретными образами волхва и Пресвятой Богородицы — Девы:

*Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на Деву,
Как гостя, смотрела звезда Рождества [7, с. 532].*

Язык поэтического произведения является конвенциональным, т.е. условным. Писательская установка на конвенциональное читательское восприятие представляет собой не только стилеобразующий фактор, но и определяет, как правило, способ изложения. Так, опираясь на широко используемое употребление символики конфессиональной лексики в русской поэзии XIX — начала XX в., Пастернак пишет стихотворение «Зимняя ночь», в котором конкретика исторического образа отсутствует. Поэтому и способ изложения поэтом избран иной, отличный от «Рождественской звезды», «Гамлета». В этом стихотворении выражение «свеча горела» должно восприниматься читателем в соответствии с писательской установкой как поэтический символ живой человеческой души, тянущейся к бессмертию. И если читателем адекватно не воспринимается этот символ бессмертия, для него теряется смысл содержания произведения.

В романе «Доктор Живаго» иностранных студентов интересуют исторические события, связанные с Октябрьской револю-

цией 1917 г., с террором, с гражданской войной, которые обычно рассматриваются в специальных лингвострановедческих комментариях. Эти события, освещенные христианским автором, активно формируют социокультурную компетенцию иностранных студентов, поскольку в них ярко проявляется прежде всего то общее, что свойственно судьбам и культурам разных народов, заставляют студентов-иностранцев задуматься над общим в исторических судьбах разных народов. И эта же авторская позиция, независимо от того, принимает ли он общественные преобразования, связанные с революционными событиями, последующими террором, гражданской войной, или отвергает их, помогает понять главное: какие бы революции, перевороты, войны ни были (святые или подлые, чистые или грязные, захватнические или освободительные), суть их — уничтожение жизни человеческой, нарушение Божьей заповеди «Не убий!» И лирический герой Б. Пастернака, доктор Живаго, оказавшись в круговороте страшных событий, остается внутренне свободным, верным своим идеалам, на которые огромное влияние оказало христианство, способным оценить, увидеть события революции и гражданской войны с общечеловеческой точки зрения.

В качестве примера автор привел только работу над художественными текстами религиозного содержания Б. Пастернака, но аналогичным образом строится работа и над изучением художественных текстов И. Бунина, И. Бродского, А. Солженицына.

Л и т е р а т у р а

1. Гостев А. Опыт богословской культурологии // Новый мир, 1999. № 11.
2. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк, 2000.
3. Распутин В. России нужна литература, достойная Пушкина и Достоевского // Лит. в шк. 2002. № 3.
4. Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений. М., 1959.
5. Пастернак Б. Сочинения. М., 1998.
6. Милославская С.К. Рост интереса к художественной литературе в новейшей лингводидактике: случайность или закономерность? М., 1990.
7. Пастернак Б. Собрание сочинений. М., 1990.